

Ольга Брюс

Ты мне не
мать!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Брюс
Ты мне не мать!

«Автор»

2023

Брюс О.

Ты мне не мать! / О. Брюс — «Автор», 2023

Две мамы, но кто из них родная? Сначала Юлю воспитывала одна женщина, позже - другая. Кого из них она признает родной матерью, покажет время. Сестра стала врагом, отец испарился, но Юля не отчаивается. Племянница поставит точку в этой непростой истории.

© Брюс О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Брюс

Ты мне не мать!

Глава 1

Входя в дом, Аня наступила на детскую игрушку-пищалку, и тонкий звук ошарашил задумчивую Лилю. Та чуть не подпрыгнула, помешивая кипящее клубничное варенье.

– Да сколько можно ходить и собирать этот бардак? – зарычала молодая женщина, бросив половник на стол, на котором стояли приготовленные чистенькие пол-литровочки для варенья. – Хожу, собираю, а она всё равно разбрасывает.

Выглянув из-за шторы, Лиля нехотя улыбнулась старшей сестре. Анна сняла шлёпанцы, подняла с пола резиновую уточку и положила на бидон, стоящий в углу.

– Ты всё психуешь, – вздохнула она, искоса поглядывая на Лилю. – А где Тёмка?

– А мне почём знать? Бегает где-то, – резко ответив, Лиля вернулась в комнатёнку, где стояла газовая плита, на которой варились или варенье, или корм скоту. – Я его с утра до вечера не вижу. Шляется по всей деревне, а мне рук не хватает. Или за девкой смотри, или варенье закатывай. Господи, как мне всё это надоело, – плюхнувшись на стул, Лиля пустила скупую слезу и устала в окно.

– А тебя рожать никто не просил, – Аня встала в дверях и подвинула шторку. – Тебя предупреждали, что с твоим Витькой каши не сваришь.

– А это уже не твоё дело, – рыкнула Лиля, повернув голову на сестру. – Сама как-нибудь разберись. Я в своём доме хозяйка, и нечего мне тут указывать.

– Ну да, конечно. – пожав плечами, Аня спросила о Юле.

– Спит, тебе-то что? – Лилька всё злилась и злилась, выдавая свою злость за усталость.

– Хотела взять к себе, пока ты тут занята. Поиграла бы с моими ребятишками, пообщалась.

– Слушай, а мне вот интересно, как ты со своей оравой справляешься? Я с двумя уже на стену лезу, а у тебя их семь.

– Как-как... – Аня задумалась на секунду и выдала. – Люблю я их. Всем сердцем люблю.

– Каждого? – усомнилась Лиля.

– Конечно. А зачем рожать, если любви к собственным детям не чувствуешь?

– Ну, не знаю, я раньше как-то всё по-другому представляла. А как у самой дети появились, так и жить расхотелось. То ночью орут, то болеют. Это ж мука, а не жизнь. Просто издевательство какое-то.

– Ты просто приоритеты неправильно расставила, – Аня осуждающе смотрела на сестру и изредка покачивала головой. – У тебя мужик на первом месте, а должны быть дети. Пока они растут, им требуется уйма внимания и времени, а у тебя наоборот – бегаешь за мужем, а не за Тёмкой и Юлечкой.

– Тебе бегать не за кем, поэтому ты злишься, – съязвила сестра, чем и уколола в самое больное место.

Аня вздохнула и махнула рукой. Молча.

– Скатертью дорожка, – оскалилась Лиля, провожая взглядом сестру через окно.

Аня и Лиля – сёстры. Ане тридцать два года, она многодетная мать-одиночка. Муж Славка умер по случайности: его переехал гусеничный трактор. За рычагами сидел пьяный в дупель Костя, который не видел перед собой дороги и ехал по наитию. Уже четыре года, как Аня является вдовой, но ей некогда скорбеть по умершему мужу, в доме куча маленьких ребятишек, которые требуют еду, игры и сказки на ночь. Дети – это её отдушина, спасение,

поэтому Анна Ракитина держится молодцом и с гордостью носит громкое звание – многодетная мать.

Лилия же совсем не похожа на свою старшую сестру. В двадцать шесть она уже успела узнать, какие тяжёлые кулаки у её Витьки, сделать два аборта, причём один до Юли, а второй – после, займёт соперницу неизвестного рода и племени, потому как Витька не признаётся, а от самого часто пахнет женскими духами типа «Лаванда», которыми Лиля не пользуется. Вот так придёт муж домой подвыпивши, сядет за стол, вынет из-за пазухи бутылку, заставит Лильку достать стакан, закуски и сесть рядом, чтобы выложить ей всю душу и поплакаться, как тяжело ему живётся в свой тридцатничек. Лиля слушает, кивает и следит, чтобы муж не выпил всю бутылку, иначе разойдётся, и понесёт его куда-нибудь к друзьям, напиваться под самую крышечку. И палка эта о двух концах, и в первом, и во втором случаях Лилька получает по шее, чтобы не совала свой бабский нос и не отдавала приказы лечь и спать.

Такие родные сёстры и такие разные. Одна, потеряв мужа, за детей трясётся, а вторая не замечает ни сына, ни дочь, а вот за мужем последить – это благое дело.

Почувствовав, как запахло чем-то пригоревшим, Лиля подскочила к тазу, из которого вырывалась сладкая красноватая пена.

– Да чтоб тебя! – гаркнула девушка, схватившись за половник. – Пришла, взбаламутила... Сидела бы дома да за детьми своими присматривала, – психовала Лиля, нервно помешивая варенье. – Ходит тут, что-то вынюхивает, – отключив конфорку, накрыла таз крышкой от огромного бака, сверху положила половник и ушла в дом, проверять, спит ли там её неугомонное чадо или опять шарит в шкафу и создаёт безумный беспорядок.

Юля спала в своей кровати, раскинув ножки и не выпуская изо рта пустышку. Пустышка торчала неподвижно, значит, девочка уснула крепким сном.

– Ну уж нет, – Лиля сначала потянулась, чтобы вынуть резиновую «няню», но сразу отёрнула свою руку. – Стоит только вытащить, моментально проснётся. – убедив себя не делать лишних движений, развернулась и отправилась на улицу.

Остановилась на крыльце и огляделась. Хорошо в деревне Крутово летом! Да и зимой ничего, но летом гора-аздо лучше. Лиля всю жизнь прожила здесь и ни за какие коврижки не променяет любимую деревушку на другое место: будь то город, село или рай.

– О-ох, – потянувшись, она окинула быстрым взглядом двор, прислушалась к квохтанью куриц, прячущихся в сарае, вдохнула свежий, тёплый воздух, затем поправила топорщащиеся локоны у виска, следом – косынку и потопала в баню. Босиком. Как же здорово пройтись голыми ступнями по натопанной тропинке! Лиля свернула чуть в сторону и заулыбалась. Травка такая нежная, мягкая, как будто она ступает по ватным облакам, ощущая ласковые прикосновения. Лиля шла и думала о муже, который скоро приедет на обед. Открыв калитку, она направилась к бане. Молодой пёс по имени Полкан неожиданно выскочил из будки и, весело помахивая хвостом, бросился ей под ноги.

– Да тише ты, сумасшедший! – испугавшись, недовольная Лиля отпрыгнула в сторону. – Притащили волкодава на свою голову. Что тебе надо?

Утихомирившись, она села на корточки и завернула подол длинного летнего халатика.

– Ну что, что ты хочешь?

Полкан сначала пригнулся, а потом прижался к земле и подполз к хозяйке. Вытянув шею, лизнул ей руки и завизжал, словно рад её видеть.

– Бестолочь ты, маленькая, – вздохнула женщина, глядя на пса с улыбкой. – Воды, что ли, нету? – заметила пустую миску.

Забрав у Полкана посудину, сходила в баню и набрала холодной воды. Вернувшись, поставила возле будки.

– Пей, дурачок. И зачем ты нам? У нас и охранять-то нечего. Живём, как все – одинаково.

Лиля ещё раз потянулась – теперь уже сопроводив движение руками тонким писком – и ушла в баню, посмотреть, сколько там воды и хватит ли, чтобы начать стирку. Проверив бочки, она взяла вёдра и потопала к колодцу.

– Лиль, а что ты своих в сад не отдаёшь? – у колодца стояла баба Наташа и крутила железную ручку, медленно, не торопясь.

– Да какой тут сад? – Лиля поставила вёдра на камни и развязала косынку, – один дерётся, вторая с соплями круглогодично. – встряхнула и вновь повязала на голову.

– Потому что надо закалять. В наше время дети закалёнными ходили. Могли зимой без валенок по снежку пробечь, и весь год никакого насморка.

– То ваши, а то наши, – буркнула Лиля, ожидая, когда же эта старуха вытянет ведро.

– Помню, Сашка мой выбежит в одних носках, встанет посреди дороги и давай голосить частушки. Ой, а мои бабушка с дедом из лесу идут, они там хворост собирали, увидят Санечку и этим прутиком из хвороста как погонят в хату. Саня визжит, бабка орёт, а дед идёт позади и смеётся, – цепь намоталась на деревянный барабан до конца, и ведро ударилось, расплескав воду обратно в колодец.

– Баб Наташ, дай я, а то мы тут с тобой до завтрашнего утра стоять будем, – Лиля взялась за ручку, а баба отошла в сторонку.

Отпустив ведро, Лиля положила ладонь на барабан, чтобы не дай бог ведёрко от удара о водную поверхность не отцепилось от привязи.

– Лиль, – пожилая женщина с интересом осматривала молодую особу.

– А.

– А ты чего так мало рожаешь?

– А что такое? – Лиле вопрос встал поперёк горла, но она не подала вида. Услышав, как дно ведра стукнулось о воду и погрузилось полностью, резво заработала рукой.

– Рожайте больше, Лиль, – баба Наталья внезапно загрустила. Вытерев рот рукой, она откашлялась, – пока есть возможность, рожайте. Чем больше деток, тем лучше. Будет кому в старости стакан воды подать.

– Я что, сама не возьму? – усмехнулась та, переливая воду в ведро бабульки.

– А кто его знает. Я вот дурой была, двоих оставила, а остальных на тот свет отправила. – Наташа вздыхала, уставившись в одну точку. – А теперь богу молюсь, грехи отмаливаю. Саша в Волгоград уехал, редко ко мне приезжает. А Валера погиб, – и она всхлипнула. – Столько годков прошло, а я его каждую ночь во сне вижу. Не углядела, дура молодая была, а он у меня в колодце потонул. Лиля, послухай меня старую, дети – это божье благословение. – подняла глаза на Лильку. – Ты посмотри на наших женщин, у кого два, а у кого и три ребёнка. Сестра твоя вообще молодец, семерых на свет произвела, а у Светки Степановой – ни одного. Или болезнь какая, или... тоже, как и я.

– Вот только сюда лезть не надо, ладно? – такие разговоры Лиле не прельщали. – Мы уж сами как-нибудь, без вашей помощи. – её тон стал резким. – Берите ведро, у меня девка дома одна. Не успею, проснётся и напугается.

Баба Наташа кивнула несколько раз, взяла ведро и ушла. Как-то тяжело стало после разговора с ней, неприятно. То ли пророчит что-то, то ли старческое слабоумие на порог ступило. Бабки в Крутово любят к молодым пристать с дурацкими расспросами или наставлениями, а нужны ли эти наставления, никто и не спросит. Вот и лезут, и лезут. Занялись бы своими детьми и внуками, чего нос совать, куда не просили?

Лиля набрала воды, вылили в свои вёдра и отправилась к дому. Какой-то неприятный осадок на душе от этой бабки.

– Лучше бы я попозже пришла, – бубнила Лиля, переступая через дорожные выбоины. Только всё настроение испортила. Какая мне разница, кто там у неё утонул? Тьфу, зараза, вот и думай теперь. Надо же было вот так ко мне в голову залезть.

Поставив вёдра на крыльцо, Лиля побежала в дом, проверять дочь. Вроде и ни к чему с проверками бегать, но как-то тревожно. Заглянув в комнату, Лилька ахнула. А дочери-то в кровати и нет!

– Юлька! – позвала ребёнка, бегая по комнатам. – Юлька, где ты?!

В сенях что-то упало. Лиля побежала на шум. Отодвинув шторку, она увидела, как девочка встала на цыпочки и тянется к горячему тазу, стоящему на плите. Половник валяется на полу, а рядом с ним и соска.

– Да сколько тебе говорить, что к газу подходить нельзя! – завопила Лиля, разозлившись на дочь. – Сколько тебе повторять одно и тоже?

Ухватившись за плечо девочки одной рукой, второй несколько раз шлёпнула по попе. Девчушка закричала.

– Не ори! Будешь знать, как не слушаться! – Лиля волокла дочь в комнату, чтобы посадить на диван. – Всюду лезет, всё ей надо! Другие дети, как дети, а этой везде надо ручонки свои ссаные распустить. Сядь здесь и захлопнись, иначе так надаю, что на всю жизнь запомнишь!

Домой вернулся Тёмка, чтобы взять кусок батона.

– Господи! Откуда ты такой пришёл? – выглянув из комнаты, мать увидела сына, грязного с головы до пят. – Где лазил?

– Мы с Пашкой на ферму ходили, – затараторил мальчишка, вытирая под носом грязной рукой. – А там яма, ну мы и упали. Мам, я возьму хлеба, мы есть хотим?

– Какого хлеба? Быстро мыться!

– Пока я буду мыться, Пашка уйдёт. Он ждать не будет, – Тёмка поспешил вытащить из пакета батон.

– Я сказала, мыться! – волна ярости выплеснулась наружу, и Лиля широким шагом двинулась к сыну.

Тёмка так спешил вынуть хлеб, что нечаянно выронил его из пакета на пол. Лиля не смогла совладать с собой и дала мальчику подзатыльника, да так сильно, что голова ребёнка треснулась о край стола.

– Ма-а-ам, – открыв рот, Тёма заплакал.

– Пошёл в баню и смой с себя всю грязь! Пришёл тут грязными руками за хлеб хвататься! – Не ной! Бегом мыться, пока я прут не принесла!

Дом наполнился детским плачем и материнскими воплями. Пашка, ожидавший друга на крыльце, моментально убежал домой. Не хватало, чтобы тётя Лиля и его наградила лещами. Не заметив, как муж подъехал и поставил трактор у забора, Лиля волокла сына за ухо в баню, а тот спотыкался и орал от боли.

– Лилька! – Виктор вылез из кабины и громко хлопнул дверью. – Отпусти пацана!

Надо же, но Лиля услышала голос мужа. Повернувшись, она поставила впереди себя плачущего Тёму.

– Ты только посмотри, какой он пришёл! Глянь, все волосы в говне! Руки! Ноги! И кому стирать одежду? Мамке, конечно! Ему-то что, искупался в навозе и рад! А мамке теперь оттирай всё это дерьмо!

– Ототрёшь, ничего с тобой не сделается, – Витя подошёл к дому и встал у двери. – Иди на стол накрывай. И чтоб я больше не видел, как ты пацана за уши тягаешь.

Прикусив язык, Лиля отправила мальчика в баню, а сама поскакала кормить мужа.

– Набери воды и полей, – строго попросив жену, Витя снял рубашку и наклонился над пустым ведром.

– Пойдём на улицу, а то весь пол зальём.

– Здесь лей, я от этой жары чуть сознание не потерял.

И Лиля обратила внимания, как муж слегка хрипит.

– Ты не заболел? – поднесла ковш с водой.

– Не знаю, но погода сегодня удалась на славу. – муж подставил руки, сложив ладони лодочкой.

– Опять двери открывал? Вить, у тебя ж горло слабое, поберёг бы себя, – Лиля начала поливать.

– Сам разберусь.

Ополоснув лицо и шею, мужчина снял с плеча жены полотенце и вытерся.

– Девка спит?

– В игрушках она, – заметив, что в комнате тихо, Лиля надеялась, что девчонка уснула, наоравшись вдоволь.

Юля уже не плакала и не спала. Она слезла с дивана, открыла в кухне стол, вынула пакет с мукой и устроила на полу мучное озеро.

– Да что ты будешь делать? – Лиля с мужем пришли обедать. – Что ты натворила?! – ну всё, Лилька была готова разорвать непослушную девчонку. – Кто тебя просил сюда лазить?

Опять схватила её за руку и начала бить по заднице.

– Ты так её убьёшь, – Витя, пребывая в полусонном состоянии, не заступился за ребёнка. Он отправился в комнату, чтобы полежать, пока жена разберётся с бардаком в кухне.

Вылив на дочь всю злость, Лилька принялась подметать пол. Юля была отправлена к отцу, который уже вовсю спал на диване. Так как папа не занимался дочерью и не одаривал её отцовской любовью, то и Юля не стремилась быть рядом с ним. Проходя мимо дивана, она всхлипывала и потирала попу, которая горела огнём. Присев на пол, девочка провела на нём буквально пять минут, а потом направилась в спальню. Там, в трюме, спрятано очень много интересного. Лиля вымыла пол от муки, накрыла стол и позвала Витю, но тот не отозвался. Решив, пусть отдохнёт, а поест позже перед отъездом в поле, она вспомнила о варенье.

Ещё раз вскипятив его, начала укладывать в банки. Спустя какое-то время к ней пришла Юля и протянула губную помаду. Лиля чуть не взревела, когда увидела разукрашенное лицо дочки. Глаза были намазаны тушью не только на веках, но и бровях, лицо испачкано румянами, на ногтях красовался перламутровый лак, растёкшийся по пальцам, на груди блестела пудра, усыпав собой майку, а ноги... Боже, ноги изрисованы помадой снизу доверху. Юльке опять досталось, и на этот раз она была изгнана в угол на целый час, чтобы подумала о своём поведении.

Проснувшись, Виктор пообедал, предупредил, что будет поздно и сел в трактор. Тёмка всё ещё торчал в бане. Лиля знала, что в бочке тёплой воды немного и мальчишке вряд ли хватит помыться полностью. В принципе, она оказалась права, и Тёма мылся в холодной воде, вздрагивая и охая, когда поливал себя из ковшика.

– И долго ты будешь там сидеть? – Лиля пришла с проверкой. – Быстро домой и следи за сестрой, пока я займусь стиркой!

– Мам, я ещё не всё, – жалобно пропищал сын, отмывая в тазу ноги.

– Вытирайся и в дом! – Лильку распирало от злости.

Ну что за дети такие? Один чуть ли не каждый день в навозе ковыряется, вторая абсолютно не слышит, что ей говорят.

– Надо было подождать с детьми, а не спешить рожать, – Лиля наливала воду в стиральную машину. – Столько нервов истрачено, что я уже на переделе. Витька поэтому-то и изменился. Я постоянно уставшая, дети ноют, в огороде работы полно, хозяйство – никакой романтики.

Пока она крутилась в бане, Тёмка переоделся, поел и сел на диван, поиграть с детским конструктором. Собирая из металлических деталей башенный кран, он не заметил, как сестра подошла сбоку и взяла из коробки несколько гаек. Мальчик задумчиво соединял детали между собой и хмурился, когда что-то не получалось.

– Что ты делаешь? – протянув руку к коробке, он увидел, как Юля засовывает в рот гайки, одну за одной. – Мама-а-а! – испугавшись, побежал звать маму на помощь.

Лиля бросила развешивать бельё сразу, как только поняла, о чём ей пытается изложить сын, торопливо вываливая на неё поток слов, которые путались между собой. Влетев дом, она схватила дочь на руки и залезла двумя пальцами в рот. Там ничего не было. Тогда, решив, что девочка проглотила гайки, побежала вместе с ней в медпункт и с криками: «Помогите» сунула в руки фельдшера ребёнка. Лиле тоже пришлось несладко, когда она, заикаясь и спотыкаясь на каждом слоге, старалась внятно объяснить, что именно проглотила дочь. Выяснив всё-таки, болт или гайку съела Юля, пожилая женщина успокоила взбудораженную мать.

– Выйдет естественным путём.

Принеся Юльку домой, Лиля отругала сына, поставила его в угол и забрала Юлю с собой в баню.

– Ни на кого нельзя понадеяться, – ворчала она, одним глазом поглядывая на дочь, срывающую травинки у столба, а другим – на бельевую верёвку. – Тёмка весь в отца, не думает о сестре, только о себе. Ну не разорваться же мне, в конце концов. Господи, и как только Анька справляется? Это ж столько мороки, столько нервов.

Лиля отвлекалась, прицепляя к простыне прищепки, и упустила из виду девочку. Та уже сняла со столба гусеницу и целенаправленно двигалась к дороге, чтобы эту гусеницу отправить в дальний путь, к своим родственникам.

– Юлька! – обнаружив пропажу, Лилька побежала в баню. – Юлька, чтоб тебя!

Ребёнка там нет.

– Где ты? Иди сюда! – выскочив наружу, Лиля закрутилась на месте. – Юля-а-а-а!

Девочка не откликнулась и, выйдя к дороге, опустилась на траву.

– Иди, иди, – положила на землю гусеницу и подтолкнула её зелёное мягкое тельце пальцем.

Гордое насекомое скрутилось в плотное колесо и спрятало голову под свой хвостик.

– Иди, – настойчиво требовала девчушка, тыкая пальчиком. – Иди.

– Ох, я тебе сейчас всю жопу исполосую!

Юля содрогнулась от внезапного крика за спиной и застыла.

– Ох, ты у меня сейчас так получишь, что навечно запомнишь, – раскрасневшаяся Лилька выскочила из-за калитки и со всего размаху шлёпнула девочку по спине.

Юля упала на живот, и на всю улицу обрушился душераздирающий ор.

– Как ты меня замучила, – Лиля вцепилась в руку ребёнка и резким движением поставила его на ноги. – Да сколько можно повторять, чтобы ты никуда не отлучалась? Сколько говорить, что нельзя выходить на дорогу? А если тебя трактор задавит?!

– О-ой, батюшки мои, – мимо проходили две старушки. Увидев, как Лилька обращается с двухлетней, они остановились. – Да ты ж из неё заику сделаешь.

– Она ж у тебя пугливая станет.

– Да о чём же ты думаешь, Лиля? Ты так её всю поломаешь.

– Господи, как дёргает, вот-вот ручонку оторвёт.

– Да её убить мало! – гаркнула на старушек Лиля и подхватила Юлю под мышку. – Надоела, хуже горькой редьки!

– О-ой, какая она психованная, – сказала одна старушка другой. – Такой и деток иметь не стоит.

– Не обращай внимание, Семёновна. Пойдём. У нас молодёжь нынче самая умная. Бог с ней, сама пускай разбирается, – потянув подругу за рукав ситцевого платья, бабушка потопала дальше.

Удаляясь от Лилькиного дома, старушки ещё долго слышали, как плакала маленькая Юля, повторяя одно слово «мама».

Глава 2

Шли годы. Дети росли, Лилька становилась злее, а Витя всё больше отдалялся от семьи, неизвестно где пропадая ночами.

Высыпав дрова у печи, Лиля разогнула спину и с горечью вздохнула.

– Надо свинью колоть, а он где-то шляется, – сняла пуховый платок и закинула на решётку вешалки. – Такое ощущение, будто мне одной всё это надо.

Расстегнув фуфайку, она сначала сняла валенки и поставила их у порожка, а потом упёрлась плечом в стену и вынула руку из рукава.

– Тёмка тоже не хочет помогать. Придёт со школы и бегом на горку. Тьфу, не семья, а соседское проживание, – разделась и присела на корточки, открывая печную дверцу. Зажгла спичку, поднесла к газете и уставилась на то, как бумажный уголок разгорается синим пламенем. – Вот так и молодость моя сгорела, – выдохнула, сунув газетёнку между сухих полешек.

С улицы донёлся стук, похожий на то, как отбивают обувь о порог, чтобы очистить от снега. Лиля закрыла дверцу, встала и сложила руки на груди.

– И долго ты будешь гулять? Матери помогать не надо? – встретила дочь, вернувшуюся из школы. – Где была?

– Я к тётке Ане ходила, – Юля поставила портфель на пол и шустро расстегнула пуговицы на куртке.

– Что ты к ней постоянно бегаешь? Там что, мёдом намазано? – занервничала мать, уходя в кухню. – Я тут одна, как ломовая лошадь, а вам всем плевать!

– Я сейчас корову сама покормлю, – Юля боялась мать, как огня, поэтому и сбегала после уроков к доброй тётке, чтобы чувствовать себя в её доме нужной.

– Уже давно накормлена! Переодевайся и иди дрова складывать! Бессовестная! Мать одна надрывается, а ей лишь бы по гостям шляться!

– Я не шлялась, – нечаянно огрызнулась Юля и моментально заработала оплеуху.

– Поговори мне ещё, сопля. Я тебе не тётя Аня, а мать! И не смей повышать на меня голос!

– Я не повышала, – сквозь слёзы ответила девочка, снимая школьную форму.

– Поговори мне ещё, – рыкнула Лиля и удовлетворённая вернулась за кухонный стул. – И что там Аня нового рассказывает?

– Ничего, – повесив платье в шкаф, Юля достала старенькие спортивные штаны.

– Как ничего? Вы там в молчанку, что ли, играете? Почти каждый день к ней ходишь, а смысл? Вот ты мне скажи, что тебе там делать? Катька уже – взрослая кобыла, ей семнадцать, Ирке – шестнадцать, Нинке – четырнадцать, а остальные – ребягня. С кем ты там дружбу водишь?

– С Катей.

– Ой, да что у вас с ней общего? Она уже невеста, а ты так, шмакодявка.

– Я не шмакодявка, – обиделась Юля, выходя из комнаты.

– Стой. Повернись. А теперь скажи мне честно. Что обо мне говорит тётя Аня?

– Ничего, – пожала плечами девочка.

– Точно?

– Да.

– Тогда иди. И чтобы одну кладку до самого верха сложила. Поняла меня?

– Поняла, – сунув ноги в валенки, Юля надела шапку, старую куртку, которая ей была мала, и ушла выполнять материнский приказ.

Какое-то неравенство между детьми. Юле всего десять, Тёмке – четырнадцать, а спрашивают больше с Юли. Тёмка днями с друзьями по деревне колесит, а Юля должна помогать

родителям по хозяйству: таскать воду корове, кормить её сеном, складывать дрова. Правда, Юля ещё не понимала и не чувствовала, что её старшему брату предоставлено больше привилегий, чем ей. Она считала, как её науськивала мать: женщины должны исполнять домашнюю работу в одном лице, так как мужики чуть ли не сутками пашут в колхозе, чтобы прокормить свою семью. Вот так и Юля, смирившись с будущей участью ломовой лошади, молча исполняла указы матери и пыхла то над колодцем, вытаскивая полное ведро воды, то над стогом сена, которое нужно дёргать для коровы. Сложнее всего с сеном, конечно. Стог, накрытый специальной тканью, покрылся инеем, и сено лежало плотняком, попробуй вырви хоть пучок. Поэтому приходилось орудовать в варежках, чтобы набрать хотя бы одну тачку сена. На это уходил один час, а то и больше.

Юля складывала на руку обледенелые полешки и носила в дровяник. Она дышала ртом от усталости, часто втягивала воздух через промокшие ноздри, чтобы не потекли сопли, и думала о тётке Ане, которая относится к ней лучше, чем родная мать.

– Ты приходи завтра, обязательно, – тётя провожала племянницу до калитки, накинув на себя пуховый платок. – Мы с девочками будем пироги печь. Ты какие больше любишь?

– С капустой, – улыбалась Юля, глядя в добрейшие глаза.

– Вот и хорошо. Как раз с капустой будем печь.

Поговорив с тётей, Юля шла домой окрылённая, как будто у Ани есть чудесный дар, наполнять детскую душу счастьем, даже в виде простой улыбки. Повезло с тёткой, такого душевного человека ни у кого нет. Вот так придёшь к ней в дом – и сразу петь хочется, до чего ж уютно, тепло, никто не кричит, не ругается, всегда тихо и безмятежно. Подходя к своему дому, Юля чувствовала, как весёлое настроение улетучивалось, сменяясь тяжестью в груди и желанием плакать. Странно как-то, ведь должно быть наоборот, когда ты радуешься родному дому и спешишь погреться у печки, но с Юлей было по-другому, ей хотелось развернуться и убежать к тётке Ане, прижаться к ней, чтобы почувствовать материнское тепло, которое не исходит от родной матери.

Сложив половину ряда, Юля присела на пень, чтобы передохнуть.

– Что сидим, кого ждём? – мать несла еду Полкану. – Быстрее закончишь, быстрее сядешь за стол.

– Я сейчас есть хочу, – с одышкой проговорила девочка, вытирая пот со лба.

– Пока до конца не сложишь, есть не будешь, – равнодушно произнесла мама.

– Я хочу жить с тётей Аней, – еле слышно промямлила Юля и всхлипнула.

– Собирайся и уходи, – такого безразличного тона девочка ещё не слышала.

Юля посмотрела на мать наполненными слезами глазами и ещё раз всхлипнула.

– Что? Страшно? – кривая ухмылка мамы и её стервозный взгляд напугали ребёнка. – Думай, прежде чем нести дурь. Жить она у тётки собралась. А ты знаешь, что они там недоедают? Ты вообще в курсе, как живут многодетные? Они друг за дружкой трусы донашивают, как тебе такое? – Лиля говорила язвительно, наслаждаясь каждой сказанной фразой. – Спят друг на друге, едят из одной тарелки, в туалет очередь, умыться – тоже в очереди постоять надо. А если ты не успел к обеду, то значит останешься голодным. Эти щенки всё пожрут, подчистую.

– Какие щенки? – Юля уже не понимала, что говорит мама.

– Катьки, Нинки, Сашки. Дети твоей любимой тётки! – рявкнула Лиля и понесла отходы собаке.

Юля сидела на пеньке и тихонько плакала. Обидно за братьев и сестёр, которых мама назвала щенками. Так обидно, что хочется побежать к тётке Ане и рассказать, как мама обзывает её детей. Сжав маленькие кулачки в мокрых рукавицах, девочка вытерла нос рукавом куртки, сжала челюсти и подняла с заснеженной земли полено.

– Дура, – буркнула, не заметив, что мать стоит позади.

– Что ты сказала? – Лилька выкатила глаза и готова была наброситься на ребёнка.

– Я стишок вспоминаю, – прошептала Юля, зажмурив глаза.

– А-а, – Лиля подумала, что ей показалось. Топая к дому, она ещё что-то крикнула по поводу своей сестры, а потом рассмеялась.

– Дура набитая, – Юля укладывала полешки в дровяник и злилась на грубую мать. – Ей лишь бы орать и бить.

Но на этом не закончилось. Ни с того ни с сего решив проверить дневник дочери, Лиля, увидев двойку, подняла крик и замахала кулаками.

– Ты тупая?! Ты не умеешь помножить два на два? Почему по математике двойка? Как ты учишься? На меня смотри! Я спрашиваю, почему двойка?

Стоя перед рассерженной матерью, девочка смотрела в пол и молча глотала слёзы. Мама никогда не проверяла уроки. Не совала нос в портфель, не интересовалась отметками, а тут на тебе – вдруг захотелось проявить интерес к учёбе дочери.

– Быстро садись за стол и покажи мне задачу, которую не смогла решить, – зарычала Лиля, бросив портфель под стол.

Юля нагнулась и полезла за портфелем и в этот момент получила поджоппника, когда наполовину оказалась под столом.

– Да шевелись ты! – терпение Лили вот-вот лопнет. – Садись быстрее, мне ещё свиным варить!

Юля вытащила учебник по математике, черновик и ручку. Разложив предметы на столе, присела и открыла книгу.

– Какая?

– Вот эта, – со страхом в голосе ответила девочка.

– И что тут непонятного? – Лиля пробежалась глазами и мгновенно решила в уме задачу. – Из одной трубы в другую... Сколько воды... Ну? Чего молчишь? Что нужно делать?

– Разделить? – сомневаясь, спросила девочка, спрятав руки под столом и нервно заламывая пальцы.

– Ты у меня спрашиваешь? Сколько вытекло?

– Не знаю...

– Что ты не знаешь? Здесь всё написано! Так сколько?

– Триста...

– И?

Подняв глаза на разъярённую мать, Юля совсем растерялась.

– Что ты смотришь на меня, как баран на новые ворота? В книгу смотри! Что здесь написано?

Теперь уже Юля не могла различить ни слова. Слёзы застилали глаза, буквы сливались в чёрные полосы, задача не решалась, руки тряслись, страх пробрался в душу ребёнка. Мать кричала так, что в одном ухе зазвенело.

– Пиши, что ты сидишь? – Лиля вытащила руку дочери и с грохотом опустила на столешницу. Сунула в ладонь ручку и несколько раз ударила ладонью по запястью. – Я сказала, пиши, – зашипела она, толкая ребёнка между лопатками. – Пиши, пиши, пиши. – рука поднималась выше и выше.

Юля роняла слёзы и не могла понять, что от неё требуют. В голове полная пустота, каждое слово пролетает мимо ушей, сердце бешено стучит, а мать орёт всё громче и громче.

– Да в кого ты такая тупая? – неожиданно мать треснула Юлю по затылку, и её голова ударилась о стол. – В нашем роду таких глупых не было!

Ещё удар.

– Мы все нормально учились, а ты в кого такая уродилась?

Следующий шлепок, и Юля вновь ударилась лбом о стол.

Умываясь слезами, девчушка сидела на стуле и не подавала голоса, чтобы мать не начала бить по всему телу. Наоравшись вдоволь, Лилька закрыла учебник и с силой опустила его на макушку дочери. Это был последний изматывающий детскую душу шлепок, и Юля описалась.

– Ты совсем охренела? – Лилька ошутила, как тёплая вода достигла пальцев её ног. – Быстро вытирай!

Юля встала и пошла за тряпкой.

– Господи, как вы все мне надоели! – вопила Лиля, снимая вязанные носки. – Эта тупая, тот ленивый, а третий шляется где-то ночами!

Выругавшись, она ушла в кухню и села за стол. Теперь пришла Лилькина очередь плакать. Она чувствовала, где её муж может задерживаться, вернее, у кого. Но этот факт недоказуем – Витька ходит к одинокой бабе, скорее всего, которая живёт где-то рядом.

Успокоившись, женщина поставила в печь чан с картофельными очистками, потом подкинула дровишек и включила телевизор. Юля просидела за уроками почти три часа. Она никак не могла разобраться с задачей, но и просить маму о помощи – страшно.

В десять вечера появился брат. Мокрый до нитки, но довольный. К его приходу Лиля уже остыла и не имела желания кричать.

– Есть будешь?

– Ага, – Тёма разделся, закинул мокрую одежду на печь, вместе с валенками, и сел за стол. – Папка ещё не пришёл?

– Ох, не знаю, где ваш папка шляется, – с тоской в голосе произнесла мать, наливая сыну свежего борща.

– А я его трактор за рекой видел.

– Где? – глаза Лили вытаращились на Тёму.

– Ну там, где тётя Света живёт.

Бросив половник в кастрюлю и испачкав газовую плиту свекольной жижей, Лиля поставила тарелку перед сыном и побежала в свою комнату. Рыдать и ждать возвращения блудного мужа. Виктор вернулся за полночь. Он тихонько вошёл в дом, пошарил рукой на печке, нашёл что-то и сунул в карман. Лиля сидела в кухне и видела, как муж движется, словно тень, и почему-то не раздевается.

– Где ты был? – спросила осипшим голосом и зажгла свет в кухне.

– А тебе какое дело? – глаза Вити сощурились из-за яркого освещения.

– У Светки?

– Иди спи. И не лезь ко мне, – Витя говорил грубо, в приказном тоне.

– Вить, у нас семья. Что ты делаешь? Очнись.

– Не твоё дело, – пошарив в карманах фуфайки, висевшей на гвоздике, мужик нашёл спички и новую пачку папирос. – Всё. Меня не жди. Завтра приду, наверное.

Проводив расстроенным взглядом мужа, Лиля подпёрла голову ладонями и вновь заплакала.

– Мамочка, ты чего? Плачешь? – из комнаты высунулась заспанная Юля. – Не плачь, мамочка.

Она потянулась к Лиле, чтобы обнять и пожалеть, но Лилька отпихнула дочку и рыкнула, чтобы та шла спать. Юля поплелась в спальню, думая, что мама плачет из-за неё. Чуть позже, когда Лиля уже не могла сдерживать эмоции и выла на весь дом, к ней пришёл сын. Тёмка стоял в одних трусах и потирал глаза.

– Мам, брось ты его, а? – в свои четырнадцать он прекрасно понимал: мама страдает из-за отца.

– Сынок, когда вырастешь, ты меня поймёшь, – всхлипывала мать, обнимая Тёму за пояс. – Ещё неизвестно, каким ты станешь.

– Я никогда таким не буду, – пробурчал мальчик и, отцепив руки мамы от себя, отправился в койку.

Проревев до трёх ночи, Лиля умылась прохладной водой и легла в постель. Утром она проснулась вся опухшая, с красными глазами.

– Лилька, что за вид? Ты будто пила всю ночь, – усмехнулась Алиса, входя в магазин, где Лиля работает продавцом. – Или на пару со своим покупку новую отмечали?

– Какую ещё покупку? – Лиля готовила прилавок к началу рабочего дня: вытирала пыль, доставала счёты и тетрадь, в которую записывались долги.

– Ну как, – Алиса ходила вдоль стеллажей и рассматривала, какие есть в наличии консервы, – мой Сашка вчера вместе с ним ездил в город. Сашка на рынок, а Витька – за шубейкой.

– Какой ещё шубейкой? – Лиля нервно махала тряпкой, думая, что женщина ошиблась. – Витька вчера на работе был, а ты какую-то ерунду придумываешь.

– Как на работе? Он днём ранее договорился с моим Сашкой...

– Подожди, – продавщица подняла глаза, – это точно Витька был? А что за шуба? Кому он её покупал?

– Ну-у, слушай, – Алиса немного опешила. – Женская шуба сорок шестого размера. У тебя ж сорок шестой?

– Не только у меня, – нахмурила брови Лиля. Постояв несколько секунд, поторопила Алису. – Давай, что там тебе? Я на учёт закрываюсь.

Обслужив первого покупателя, Лиля закрыла магазин перед носом пришедшей троицы, состоящей из болтливых старушек.

– Здрасьте, куда? – возмутились пожилые женщины, злясь на непутёвую работницу.

– Бабулечки, миленькие, некогда мне, – повесив огромный амбарный замок на дверь, Лиля побежала прочь. – Позже приходите! Позже!

– Ну ты посмотри на неё, – хмыкнула одна из женщин, поправляя пуховый платок. – Наглая какая.

– Да брось, Степановна, она, кажись, из-за мужика побежала.

– Да был бы мужик, а то так, не пришей рукав. То пьяный, то к Светке ночами шастает.

– А ты откуда знаешь?

– Так он мимо моей хаты и шастает. Я ночью сплю чутко. Слышу, трактор еле-еле чахнет. В окошко гляну, впотьмах вроде и не узнать, да я ж грохот каждого пойму. Витька это. Вот ей-богу, Витька.

– Ты за дедом своим присматривай! – рассмеялась третья, сунув руки в рукавички. – А то вот так не заметишь, побежит к такой же Светке!

– Да кому он сдался? – ревниво ответила Степановна и развернулась, чтобы пойти домой. – Мой старый хрыч от меня ни на шаг. По молодости тоже боялся глянуть на других.

– Ха! Конечно, ты ж у нас бой-баба! – и все трое расхохотались на всю пустынную улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.